

ЧАРЛЗ БОКСЕР

РОЖАЕННЫЕ

МОРЕМ

ИМПЕРИИ

ГОЛЛАНДСКОЕ ГОСПОДСТВО

В ЧЕТЫРЕХ
ЧАСТЯХ СВЕТА
XVI—XVIII века

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ,
ИНДИИ, ЮЖНОЙ АФРИКЕ
И АМЕРИКЕ

Чарлз Боксер

**Голландское господство в четырех
частях света. XVI—XVIII века.
Торговые войны в Европе, Индии,
Южной Африке и Америке**

«Центрполиграф»

1965

УДК 94(492)
ББК 63.3(4Нид)

Боксер Ч. Р.

Голландское господство в четырех частях света. XVI— XVIII века.
Торговые войны в Европе, Индии, Южной Африке и Америке /
Ч. Р. Боксер — «Центрполиграф», 1965

ISBN 978-5-9524-5325-8

Из борьбы с испанским владычеством Голландия вышла одной из величайших в мире морских империй. За несколько лет страна обрела контроль над огромными территориями: от Индонезии до Западной Индии, от Южной Африки до Южной Америки. Чарльз Боксер, профессор Йельского университета, автор целого ряда исторических трудов, представляет Голландию XVI—XVIII вв. Объясняя причины стремительного восхождения столь маленькой страны к могуществу, Боксер обращает внимание на то, как и почему происходит бурное развитие промышленности, морской торговли, сельскохозяйственное изобилие и культурный расцвет страны. Анализирует состояние науки, техники, систему образования, отношение к религии, институт брака, быт, организацию благотворительности, развлечения, воссоздавая яркие картины авантюризма и разгульной жизни голландцев во всех четырех сторонах света. И затем автор прослеживает достойный сожаления переход от золотого века к эре париков – времени «бесцарствия» – частой смены власти и французских вторжений.

УДК 94(492)
ББК 63.3(4Нид)

ISBN 978-5-9524-5325-8

© Боксер Ч. Р., 1965
© Центрполиграф, 1965

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чарлз Боксер

Голландское господство в четырех частях света. XVI—XVIII века. Торговые войны в Европе, Индии, Южной Африке и Америке

CHARLES R. BOXER

**The Dutch
Seaborne
Empire**

1600—1800

Charles R. Boxer
The Dutch Seaborne Empire
1600—1800

ЧАРЛЗ Р. БОКСЕР

Голландское господство

В ЧЕТЫРЕХ
ЧАСТЯХ СВЕТА

XVI—XVIII века

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ,
ИНДИИ, ЮЖНОЙ АФРИКЕ
И АМЕРИКЕ

Глава 1

Восемьдесят лет войны и эволюции нации

10 июня 1648 г. португальский посол в Гааге Франциско де Соуза Коутиньо послал депешу своему венценосному повелителю, объявляя, что голландцы одобрили мирный договор, подписанный в Мюнстере между их посланниками и представителями короля Филиппа IV Испанского. «Мир был провозглашен, – отметил он, – простым зачитанием статей договора в Верховном суде, в десять часов утра пятого числа сего месяца – этот день и этот час были выбраны потому, что восемьдесят лет назад в этот же день и в то же время герцог Альба казнил в Брюсселе графа Эгмонта и графа Горна; и Штаты¹ пожелали, чтобы их свобода началась в тот же день и час, когда два этих дворянина пали во имя нее». Соуза Коутиньо был явно потрясен выбором времени, приуроченным правителями Соединенных провинций свободных Нидерландов к этому историческому событию, ибо в депеше, отправленной им своему коллеге в Париж, он еще раз подчеркнул преднамеренность выбора ими дня и часа. Будучи патриотом Португалии, он сделал все возможное, чтобы предотвратить заключение этого договора, который теперь развязывал одну руку исконным врагам Португалии, испанцам, – другая по-прежнему оставалась занятой войной с Францией, – чтобы они могли заняться его страной; и Коутиньо достаточно ясно дал понять, что Мюнстерский договор далек от того, чтобы его повсеместно приветствовали все жители самопровозглашенных Соединенных провинций. Он закончил свое второе послание на философской ноте, заметив, что «У Господа Свои пути возвышения и низложения людей, которые недоступны для их понимания, и обычно они оказываются противоположными ожидаемому. В любом случае ныне живущие в скором времени еще увидят множество перемен».

¹ Штаты в Нидерландах – первоначально высшее сословно-представительское учреждение нидерландских провинций; Генеральные штаты – парламент свободной конфедерации семи нидерландских провинций. Состояли из депутатов духовенства, дворянства и верхушки горожан. Впервые были созданы в 1463 г., после объединения Нидерландов герцогами Бургундскими. (Здесь и далее примеч. пер.)

Карта 1.

Голландская республика во второй половине XVII в.

80 лет были не таким уж коротким промежутком времени, если касаться продолжительности жизни в те времена. В большинстве европейских стран она составляла около 30–32 лет, и немногие из молодых жителей Нидерландов в июне 1568 г. смогли дожить до дня, описанного Союзом Коутиньо. Однако образованные нидерландцы или испанцы не стали бы отрицать, что предыдущие 80 лет были временем беспрецедентных перемен и потрясений. В 1568 г. Нидерланды образовали сложную совокупность земель и городов, говорящих на фламандском и/или на французском языках, произвольно объединенных в 17 провинций под скипетром короля из испанских Габсбургов, чьи владения простирались от Фризских островов в Северном море до Филиппин в Южно-Китайском море. Общеизвестно, что лютеранство, анабаптизм, кальвинизм и другие виды протестантской ереси пустили в Нидерландах глубокие корни, о чем свидетельствовали *beeldenstorm* – иконоборческие бунты 1566 г., когда церкви подвергались разграблению, образа уничтожались, а со священниками обходились совсем по-скотски. Однако основная масса населения все еще придерживалась римско-католической веры, тогда как протестанты были разбросаны незначительными группами по всей стране, значительно меньше представленные – если представленные вообще – в северных провинциях по

сравнению с южными. Альба с легкостью разгромил (21 июля 1568 г.) доморожденные войска Вильгельма, принца Оранского, при первой попытке вооруженного сопротивления испанскому правлению и религиозным преследованиям. Похоже, не существовало серьезного шанса на то, чтобы сломленные духом и дезорганизованные повстанцы могли снова выступить против Испании без помощи Англии или Франции, и ничего подобного не предвиделось. Фламандские и валлонские дворяне, на которых можно было положиться в руководстве победоносным мятежом, были либо мертвы или в заключении, либо бежали или совершенно запуганы. В экономическом отношении Антверпен являлся бесспорным торговым и банковским центром Европы севернее Альп и Пиренеев. Амстердам, ведущий город и центр кораблестроения Северных Нидерландов, хоть и все более богатейший от своей торговли на Балтике, с Западной Францией и Иберийским полуостровом, похоже, не мог конкурировать с Антверпеном – не говоря уж о том, чтобы занять его место в качестве оплота коммерции западного мира.

80 лет спустя картина изменилась до неузнаваемости. Семь Соединенных провинций свободных Нидерландов теперь очень сильно отличались от десяти своих южных соседей, которые оставались верны – или были заново завоеваны – испанской короне и Римско-католической церкви. Семь северных провинций не только добились полной независимости, но и обладали морской и торговой империей, которая превосходила португальскую и соперничала с испанской, простираясь до островов Пряностей² в Индонезии и до карибского побережья. Вместо короля из Габсбургов свободные Нидерланды управлялись бюргерами-олигархами, на службе у которых состоял богатый и влиятельный принц Оранский, женатый на английской принцессе правнук подвергавшегося преследованиям беженца 1568 г. К 1648 г. кальвинизм в южных провинциях, *Las Provincias Obedientes* – послушных, как их называли испанцы, – полностью исчез вместе со всеми другими видами протестантизма. В семи северных провинциях кальвинизм являлся официальной и единственной признанной религией, хотя ее ортодоксальные приверженцы насчитывали менее трети всего населения. Разномастному сброду, который Альба так легко разгромил в 1568 г., наследовала хорошо оплачиваемая, умело руководимая и высокодисциплинированная армия, считавшаяся в Европе непревзойденной. Голландский военноморской флот, которого в 1568 г. попросту не существовало, заслужил репутацию лучшего на Атлантике благодаря ряду побед, увенчавшихся разгромом М.Х. Тромпом Испанской армады при Даунсе 21 октября 1639 г. И наконец – но не в последнюю очередь, – Амстердам не просто занял место Антверпена, как коммерческой столицы Европы, но и достиг такой вершины процветания, что его имя стало известно в столь отдаленных уголках мира, где никогда не слышали о Лондоне, Париже или Венеции. Что бы там ни думали жители остальных провинций о Мюнстерском договоре, бюргеры-олигархи Голландии должны были быть весьма довольны, когда наблюдали за фейерверками, салютами и иллюминацией, которые они приказали устроить вечером 5 июня 1648 г. Их радость не слишком сильно подмочило последовавшее затем исключительно дождливое лето, из-за которого сено осталось гнить на полях. Сельское хозяйство внутри страны не являлось основой их благосостояния.

Религиозные, военные и географические факторы – все сыграли свою роль во вкладе в развитие голландской нации в период Восьмидесятилетней войны с самой могущественной империей того времени. Эта борьба, несомненно столь неравная вначале, закончилась принятием его католическим величеством условий, буквально продиктованных его противниками, выскочками-бюргерами. Величайшей и единственной причиной голландского успеха послужило воистину невероятное экономическое развитие двух приморских провинций, Голландии и Зеландии, по сравнению с которым сельскохозяйственное изобилие остальных пяти провинций имело куда меньшее значение. Более того, внезапный и стремительный взлет голландской морской торговли, начиная с 1590 г., стал неожиданностью для современников и загадкой для

² Острова Пряностей – ныне Молуккские острова.

последующих поколений. «Невероятный подъем Нидерландов во внутренней и внешней торговле, богатство и огромное число кораблей, – писал в 1669 г. Джозия Чайлд, – является предметом зависти нынешнего и, возможно, изумления будущих поколений». Как получилось, что две лежащие ниже уровня моря и относительно непривлекательные провинции у Северного моря сформировали ядро конфедерации, которая стала ведущей морской торговой нацией в мире – и всего за период жизни одного поколения?

Поразительный и впечатляющий взлет голландского морского могущества, как это казалось многим и тогда, и в более поздние времена, имел под собой прочную основу, существовавшую задолго до 1568 г. Основные причины экономического развития двух приморских провинций были достаточно ясно разъяснены в петиции голландских штатов императору Карлу V вскоре после того, как в 1543 г. он подчинил своей власти все 17 провинций Нидерландов, что стало кульминацией сложных процессов, включающих в себя династические браки, превратности судьбы и периодическое использование силы.

«Это действительно правда, что провинции Голландии – очень маленькая страна, маленькая в длину и еще меньше в ширину, с трех сторон почти полностью омываемая морем. Она должна быть защищена от моря мелиорационными сооружениями, что требовало тяжелых ежегодных трат на дамбы, шлюзы лотков водяных мельниц, ветряные мельницы и польдеры – осушенные участки земли, защищенные дамбой. Более того, вышеупомянутые провинции Голландии изобилуют дюнами, болотами и озерами, которых, как и других бесплодных, непригодных под посевы или пастбища земель, с каждым днем становится все больше. Вследствие этого жители страны ради обеспечения своих семей, жен и детей вынуждены поддерживать себя ремеслом и торговлей, причем таким способом, при котором они приобретают сырье за границей и реэкспортируют готовый продукт, включая самые разные виды тканей и сукна, во множество мест, таких как королевства Испания, Португалия, Шотландия, в Германию, а в особенности в Данию, в страны Балтии, Норвегию и другие им подобные регионы, откуда они возвращаются с грузами и товарами тех мест, более всего с пшеницей и другими зерновыми. Следовательно, для основной деятельности страны необходимо судоходство и связанные с ним профессии, благодаря которым великое множество людей, таких как купцы, капитаны судов, штурманы, лоцманы, матросы, судовые плотники и прочие, зарабатывает себе на жизнь. Эти люди совершают плавания, ввозят и вывозят все виды товаров – туда и обратно, – а те грузы, что они привозят сюда, продают в Нидерландах, Брабанте, Фландрии и прочих соседних местах», – читаем в Императорской резолюции, начертанной на оригинальной петиции, датированной 13 октября 1548 г.

Другими словами, в середине XVI в., еще до начала борьбы с Испанией, купцы и моряки Голландии и Зеландии обладали огромной, быть может, даже преобладающей долей в морской торговле и перевозках между Балтикой и Западной Европой. Молочное и мясное производство Северных Нидерландов являлось, возможно, более важным, чем податели петиции 1548 г. были готовы признать, но тем не менее правда и то, что «большое рыболовство» в Северном море и торговые перевозки в Балтию, Францию и на Иберийский полуостров имели куда более важное значение. Одной из причин роста голландской внешней торговли, несомненно, являлось географическое положение Нижних Земель³ у Северного моря, с их легким доступом к рынкам Германии, Франции и Англии. Однако основная причина превосходства голландцев над своими главными конкурентами, ганзейскими городами⁴, заключалась в том, что голландцы и зеландцы строили свои корабли более экономно и поэтому могли предлагать более низкие фрахтовочные ставки, то есть дешевле своих соперников.

³ Нижние Земли, также Нижние Земли у моря – *нидерл.* *Nederlanden*, – низменность на северо-западе континентальной Европы, в бассейне рек Рейн, Маас и Шельда, примыкающая к Северному морю.

⁴ Ганзейский союз, Ганза, *букв.* «группа», «союз» – политический и экономический союз, объединявший почти 300 торговых городов Северной Европы с середины XII до середины XVII в.

Характерная черта морской торговли – и, собственно говоря, других форм предпринимательства – в Северных Нидерландах была известна как *rederij* – судоходная компания. Это был весьма гибкий тип кооперативного предприятия, с помощью которого группа людей могла объединиться, чтобы покупать, владеть, строить, сдавать в аренду или фрахтовать корабль и его груз. Ко второй половине XVII столетия капитан или штурман судна очень часто являлся совладельцем груза и был напрямую заинтересован в его продаже. Индивидуальные *reders*, судовладельцы, могли вкладывать капитал в различных пропорциях, и он мог ранжироваться от состоятельных купцов на берегу с солидными квотами до палубных матросов с их ничтожными грошами. В 1644 г. один писатель утверждал, что «здесь не сыскать ни единого рыбацкого судна, ни одной старой посуды, ни просто лодки, которая не была бы оснащена или не была бы отправлена в плавание с этой земли без участия нескольких объединившихся людей». И он же утверждал, что не найти и одного корабля на сотню, который не эксплуатировался бы *rederij*. В любом случае такая практика способствовала широкому распространению инвестиций в судоходство, укреплению прав собственности и, в значительной степени, объединению торгового и морского сообществ.

Так что вполне естественно, что в сообществах купцов и моряков – таких, как те, что описали их представители в 1548 г., – как политическая, так и экономическая власть имели тенденцию сосредотачиваться в руках торгового сословия, а именно его наиболее состоятельных представителей. На исходе Средних веков последние добились управления над городскими или муниципальными советами; а в том, что касается Голландии и Зеландии, большинство членов городских советов сами являлись судовладельцами или были напрямую заинтересованы в какой-либо отрасли или отраслях внешней торговли – в зерне и лесе с севера, в винах, фруктах и соли с юга, в промысле сельди и в продаже рыбы на экспорт. Все это очевидно из уже процитированной петиции 1548 г. голландских провинций Карлу V; и война с Испанией не только не замедлила, а скорее ускорила рост влияния и могущества городских советов. Эта война сопровождалась, за исключением относительно коротких промежутков времени, устойчивым ростом голландской заморской торговли, особенно после 1590 г. В свою очередь, морская торговля давала членам городских советов и так называемому сословию правителей, из которого и избирались советники, значительную экономическую и (как мы еще увидим) значительную политическую власть.

И опять же, такое развитие в значительно большей степени отмечено в приморских провинциях, Голландии и Зеландии, чем в остальных, где сельское хозяйство оставалось относительно более важным и где сельская знать (как в Гелдерланде) и наиболее богатые фермеры (как в Фрисландии) обладали большим влиянием, чем городские советы. Как бы там ни было, положение городских советов во всех провинциях в отношении первых принцев Оранских было более прочным, чем при герцогах Бургундских или королях Испании. Несмотря на три последовательные женитьбы на богатых наследницах, Вильгельм Молчаливый⁵ так и остался наполовину удачливым бунтовщиком, все более зависимым от финансовой и моральной поддержки городов. Верно, что, когда Голландия и Зеландия признали его в 1572 г. своим штатгальтером – этот средневековый титул изначально означал местоблюстителя (исполняющего обязанности) верховного правителя, – они тем самым дали ему право голоса в назначении членов городского совета, которые, в свою очередь, в конечном итоге назначали его самого. Однако несколько не примкнувших к нидерландскому мятежу городов после взятия в 1572 г. Бриля (Брилле) полупиратскими морскими гёзами⁶ недвусмысленно отказались предоставлять штатгальтеру такие полномочия, хотя они принадлежали ему по праву.

⁵ Вильгельм I Оранский по прозвищу Молчаливый – принц Оранский, граф Нассауский, первый штатгальтер Голландии и Зеландии, лидер нидерландской буржуазной революции.

⁶ Гёзы – *нидерл.* Geuzen, *фр.* Les Gueux, *букв.* – «нищие», как их презрительно называли их противники за кальвинистскую приверженность скромной одежде без украшений; участники антииспанской революции в Нидерландах, которые с 1566 г.

Разделение Нижних Земель (Нидерландов) на преимущественно протестантский север и полностью католический юг не стало неизбежным исходом, а результатом переплетения различных факторов – географических, военных, религиозных и экономических, среди которых существенную роль играли и городские советы. Вильгельм I Оранский, который сражался за свободу всех 17 провинций и который (побывав поочередно и лютеранином, и католиком, и кальвинистом) мысленно представлял себе государство, где протестанты и католики могли жить на условиях взаимного уважения и равноправия или хотя бы терпимости друг к другу. Однако ядро его последователей-кальвинистов из числа морских гёзов относилось к подобной терпимости с презрением. Эти люди были решительно настроены всеми правдами и неправдами навязать верховенство своей специфической разновидности протестантизма. Большинство городов, сдавшихся им летом 1572 г., сделали это на условии того, что жители-католики не будут подвергаться преследованиям и им будет позволено отправление религиозных обрядов в их собственных церквях. Условия эти систематически нарушались победителями, которые посадили в городские советы собственных ставленников – вместо тех их членов, кто выказывал хоть малейшее недовольство протестантизмом в пользу католицизма. Завладев контролем над городскими советами, кальвинисты изгнали католическое духовенство и разрешили мирянам-католикам только свободу вероисповедания вместо свободы публичного богослужения.

Воинствующее протестантское меньшинство могло действовать подобным образом отчасти и потому, что множество состоятельных бюргеров-католиков оказалось среди тех примерно четырех тысяч человек, что бежало из одной только Голландии в то беспокойное лето 1572 г. Их место могли занять бюргеры-протестанты и купцы, которые ранее покинули

Нидерланды, когда кардинал Гранвель из святой инквизиции и герцог Альба последовательно усиливали пресечение религиозного инакомыслия. И вот теперь эти изгнанники вернулись вместе с морскими гёзами. Хотя у нас нет достаточных сведений о переменах, произошедших в составе всех городских советов в первые годы восстания против Испании, вполне можно предположить, что большинство людей, обладающих собственностью и состоянием, вели себя так же, как и им подобные во всех остальных революциях, до и после. То есть многие зажиточные бюргеры, которые выбирали городской совет, приспособились к новому положению дел, дабы их не постигла худшая участь. Чтобы сохранить свое привилегированное положение и соблюсти деловые интересы, не говоря уж о безопасности своих жен и детей, они приняли протестантскую веру, с большим или меньшим достоинством. С течением времени, когда стало очевидно, что Голландская республика пришла навсегда, они еще больше приспособились – по крайней мере, внешне – к официальному кальвинизму. Однако они обычно сопротивлялись, порой активно, а чаще всего пассивно, усилиям фанатиков-кальвинистов в целом и проповедников или священнослужителей в частности подчинить интересы государства (и торговли) догматам «истинной реформированной христианской религии» (кальвинизма).

Вопрос, насколько широко и быстро население Северных Нидерландов оставило старую веру ради новой, довольно сложен, но мы можем коротко заметить, что правящее кальвинистское меньшинство оказывало всевозможные виды давления и на аристократию, и на трудящихся, дабы побудить их принять новый порядок. А поскольку все городские и правительственные должности были зарезервированы за теми, кто исповедовал ортодоксальный кальвинизм, одно лишь это являлось для городского правящего сословия стимулом к приспособленчеству. Такая тенденция усилилась благодаря религиозно-политическому кризису 1618–1619 гг., когда успешный переворот принца Морица против Олденбарневелта⁷ и прове-

воевали против испанского правления в Нидерландах. Самая большая группа гёзов воевала на море и была названа морскими гёзами.

⁷ Олденбарневелт Ян ван (Олденбарневелде Иоганн) – нидерландский государственный деятель и дипломат, игравший видную роль во время нидерландской буржуазной революции. Обвинен в государственной измене и казнен 13 мая 1619 г. в Гааге.

дение собора в Дордрехте усилили влияние кальвинистского духовенства и их мирских сторонников. Ко времени подписания в 1648 г. Мюнстерского договора подавляющее большинство правящего сословия стало исповедовать – хоть и не всегда с явной активностью – кальвинизм. На другом конце социальной лестницы весь контроль управления благотворительными организациями и помощью бедным после более или менее длительного промежутка времени и изгнания католического духовенства с конфискацией их монастырей, богаделен и благотворительных фондов оказался в руках кальвинистского духовенства и мирян-кальвинистов. И это стимулировало множество городских тружеников, особенно безработных и тех, кто страдал от сезонной безработицы (вроде рыбаков и моряков), приспособливаться к новой вере только из-за куска хлеба ради себя и своих семей. Обучение и учебная программа начальных школ, многие из которых разместились в конфискованных у католической церкви зданиях, также оказались под контролем убежденных кальвинистов. И эта мера не могла не усилить влияние «реформированной религии» на подрастающие поколения из числа всех сословий.

Последние исследования Энно ван Гелдера и А.Л.Е. Верхайдена относительно социального происхождения 12 302 жертв, осужденных на смерть пресловутым Кровавым советом (Comseil des Troubles) в 1567–1573 гг., показали, что в 1560-х гг. значительный срез населения Нидерландов проявлял свою враждебность к Римско-католической церкви, как пассивно, так и активно. Дворянство, торговцы, врачи, юристы, аптекари, ювелиры, плотники, каменщики, стригали овец и люди других профессий и ремесел присутствовали здесь в больших количествах. И хотя подавляющее их большинство, возможно, и не являлось кальвинистами, похоже, что те из них, кто пережил изгнание или тюремное заключение, впоследствии стали ими в тех городах, где морские гёзы старались насадить правление «избранников Божьих». При сложившихся условиях распространение протестантизма в городах шло неизбежно быстрее, чем в сельской местности, а особенно медленно в районах, где землевладельцы оставались верны старой вере и где их примеру следовали арендаторы. Таким образом, продвижение новой веры в Северных Нидерландах носило неоднородный характер. Так что довольно сомнительно, чтобы ко времени подписания Мюнстерского договора протестанты всех направлений обладали хотя бы незначительным большинством над теми своими согражданами, которые оставались преданными католицизму или примирились с Римом.

Поскольку влияние городского правящего сословия после вспышки восстания против Испании пошатнулось лишь на краткое время, и поскольку правители фактически смогли упрочить свою позицию во время Восемидесятилетней войны, то, быть может, стоит также более детально рассмотреть их функции и гражданский статус на примере провинции Голландия, как наиболее важной. Города этой провинции еще с конца Средневековья управлялись советами, состоявшими из 30–40 «самых состоятельных и уважаемых граждан», которых выбирали среди «мудрых и богатых» бюргеров каждого из городов. Их посты являлись пожизненными или пока эти люди не переезжали жить куда-то в другое место. В таком случае их коллеги заполняли образовавшиеся вакансии кем-то из числа бюргеров такого же, как и у них, социального статуса. Такие городские советники, или правители, ежегодно выбирали из собственного числа бургомистра и олдерменов – членов городского управления, которые формировали муниципальное управление, – магистрат и в чьи основные обязанности входило отправление правосудия и политика местного налогообложения собственных горожан. Порядок поддерживался силами отрядов гражданской милиции или гражданской гвардии, наподобие ополчений английских горожан, однако ими командовали – естественно, в более высоких званиях – члены правящего сословия. Местные бургомистры зачастую действовали наподобие полковников *schutterij*, как называлась эта гражданская гвардия, а как они выглядели, нам известно по таким картинам, как «Ночной дозор» Рембрандта (1642) и «Групповой портрет офицеров стрелковой роты Св. Адриана» Франса Хальса.

Когда в 1581 г. Голландские штаты официально отказались от своей лояльности королю Филиппу II Испанскому, они также ввели закон, запрещающий городским советникам совещаться с представителями гильдий (откуда и сами они изначально вышли в Средние века) или гражданской гвардии (как таковой) по любым вопросам, касающимся провинции в целом. Таким образом, правители извлекли для себя пользу из борьбы с Испанией, укрепив свое положение в качестве бессменной бюргерской олигархии и лишив рядовых граждан права голоса как в местной, так и в провинциальной администрации. С некоторыми различиями в таких деталях, как количество бургомистров (от одного до четырех) и олдерменов (от семи до двенадцати), подобная система патрицианского правления была одинакова во всех городах двух приморских провинций. Следует также добавить, что на протяжении XVII столетия большая часть земель Голландии, Зеландии и Утрехта оказалась скупленной городскими капиталистами из правящего сословия, что дало им возможность использовать городские советы в целях стимулирования развития торговли и промышленности в городах – в ущерб расходам на кустарный промысел и сельское хозяйство.

Штаты каждой из семи провинций являлись суверенными. В Голландии штаты состояли из депутатий, представленных правителями 18 городов, и еще одной делегации, представлявшей провинциальную знать. Каждый город мог послать сколь угодно большую делегацию, однако каждая из них обладала только одним голосом. Точно так же в Зеландии все города, кроме одного, имели право голоса. В Гелдерланде знать, а во Фрисландии фермеры-землевладельцы обладали намного большим влиянием, а в других материковых провинциях имелись и более значительные различия. Но даже там, где представители городской знати оказались не в большинстве, как это было в двух приморских провинциях, они обычно обладали некоторой властью благодаря своему экономическому влиянию. Городские магистраты выбирались муниципальными советами, а сельские и судебные должностные лица штатами провинций. Таким образом, как писал профессор Г.Я. Ренье, признание суверенитета провинциальных штатов означало верховенство во всей Голландской республике между 1581 и 1795 гг. верхней прослойки среднего класса. Или, как подает это доктор Б.М. Влекк, на самом деле Голландская республика управлялась олигархами числом около 10 тысяч человек, монополизировавшими практически все важные провинциальные и муниципальные должности.

Международная политика находилась в руках Генеральных штатов в Гааге с тех пор, как вошедшие в Утрехтскую унию 1579 г.⁸ мятежные провинции договорились предстать единым фронтом – по крайней мере, в этой сфере – перед внешним миром. Генеральные штаты являлись всего лишь собранием депутатов от семи суверенных провинций, тесно связанных рамками наставлений, полученных от своих провинций. Любое решение, затрагивавшее «сообщество» или унию в целом, чтобы стать действительным, должно было пройти через открытое голосование. В случае несогласия или когда предложение оказывалось спорным в плане полномочий делегатов, они должны были вернуться в свои провинциальные собрания для дальнейших консультаций и получения новых инструкций. В свою очередь, провинциальным штатам, прежде чем прийти к решению, приходилось довольно часто адресовать вопрос к городским советам. Ни одна из провинций не считала себя обязанной подчиняться решениям Генеральных штатов до тех пор, пока их собственная делегация не даст на них своего согласия. Каждая делегация имела только один голос, точнее, голос, который считался одним.

Не считая мало что решавшего Государственного совета, Генеральные штаты являлись единственным национальным органом управления Голландской республики. И им было непросто эффективно работать при возникновении конфликтов провинциальных интересов или порой даже тогда, когда они попросту не совпадали. Когда заходили в тупик или наступал кри-

⁸ Утрехтская уния – военно-политическое объединение северных провинций Нидерландов против испанского владычества и созданной в Валлонии Аррасской унии, которая поддерживала католическую Испанию.

зис, какой-нибудь сильной личности или влиятельной группе приходилось брать на себя руководство и навязывать решение, отчасти силой авторитета, отчасти принуждением. Двумя несомненными силами поддержки подобного руководства являлись провинция Голландия и дом Оранских. Первая несла на себе 58 процентов финансовых расходов республики теоретически, на практике же значительно больше. Чрезвычайное экономическое значение Амстердама, начиная примерно с 1585 г., давало этому городу превалирующее значение как в штатах провинции Голландия, так и в Генеральных штатах. Поэтому, при прочих равных условиях, провинция Голландия – что, по сути, часто означало город Амстердам – имела тенденцию брать руководство на себя. Она осуществляла его через высших представителей власти, обычно называвшихся Raadpensionaris – великие пенсионарии⁹, работавших в сотрудничестве с небольшим комитетом, назначенным Генеральными штатами. Экономическое превосходство провинции Голландия стало основой политической власти для Яна ван Олденбарневелта (Иоганна Олденбарневелде) после смерти Вильгельма I в 1584 г. и для Яна де Витта¹⁰ после смерти Вильгельма II в 1650 г.

Положение дома Оранских в олигархической республике было весьма специфичным, если не сказать больше. Как штатгальтер одной или более провинций и фактический главнокомандующий вооруженными силами, принц являлся служащим и провинциальных, и Генеральных штатов, однако он имел влиятельный (а в некоторых случаях и решающий) голос в назначении некоторых членов этих учреждений. Принцы Оранские, в силу своего происхождения, богатства, авторитета и военного мастерства – действительного или потенциального, неизбежно оказывались в фокусе монархистских настроений, широко распространенных среди тех представителей высшего сословия, кто страстно жаждал придворной жизни и коронованного правителя, и среди тех людей из низших сословий, кто питал большее уважение к принцу крови, чем к принцу-торговцу. В связи с этим вполне возможно, что прооранжистские настроения среди беднейших слоев трудящихся объясняются скорее их неприязнью к правящим бюргерам-олигархам, нежели чем-либо еще. Со своей стороны, принцы Оранские, несмотря на то что после 1644 г. они имели обыкновение вступать в браки с членами иностранных королевских семей, во многом находились под влиянием мировоззрения и менталитета бюргеров-олигархов, с которыми их так сильно сблизила работа в правительстве и от чьей поддержки во многом зависело их собственное положение.

Когда принц Оранский и высшие должностные лица провинции Голландии находились в дружеском партнерстве, как это было при Вильгельме I и Олденбарневелте и еще раз, во времена Вильгельма III и Антония Хейнсиуса, тогда и Генеральные, и провинциальные штаты обычно можно было склонить к следованию predetermined политике. Но когда между этими выдающимися личностями возникали трения или когда кто-то из них не проявлял бесспорного превосходства (как принц Мориц в 1618–1625, Ян де Витт в 1654–1668 и Вильгельм III в 1672–1678 гг.), тогда извечная ревность между Голландией и Зеландией, или между этими двумя приморскими провинциями и остальными пятью, или общая нелюбовь к Амстердаму – часто чрезмерная – имели тенденцию превратить свободно объединенные Соединенные провинции в то, что Уильям Темпл окрестил термином «Разъединенные провинции». Даже в лучшие времена их можно было бы точнее охарактеризовать как «Союзные», а не «Соединенные». Более того, даже когда штатгальтеры осуществляли неоспоримое политическое управление, они в проведении своей политики зависели от правящего класса – в финансовом и экономическом смысле.

⁹ Великий пенсионарий – одно из высших должностных лиц в республике Соединенных провинций, по сути – премьер-министр.

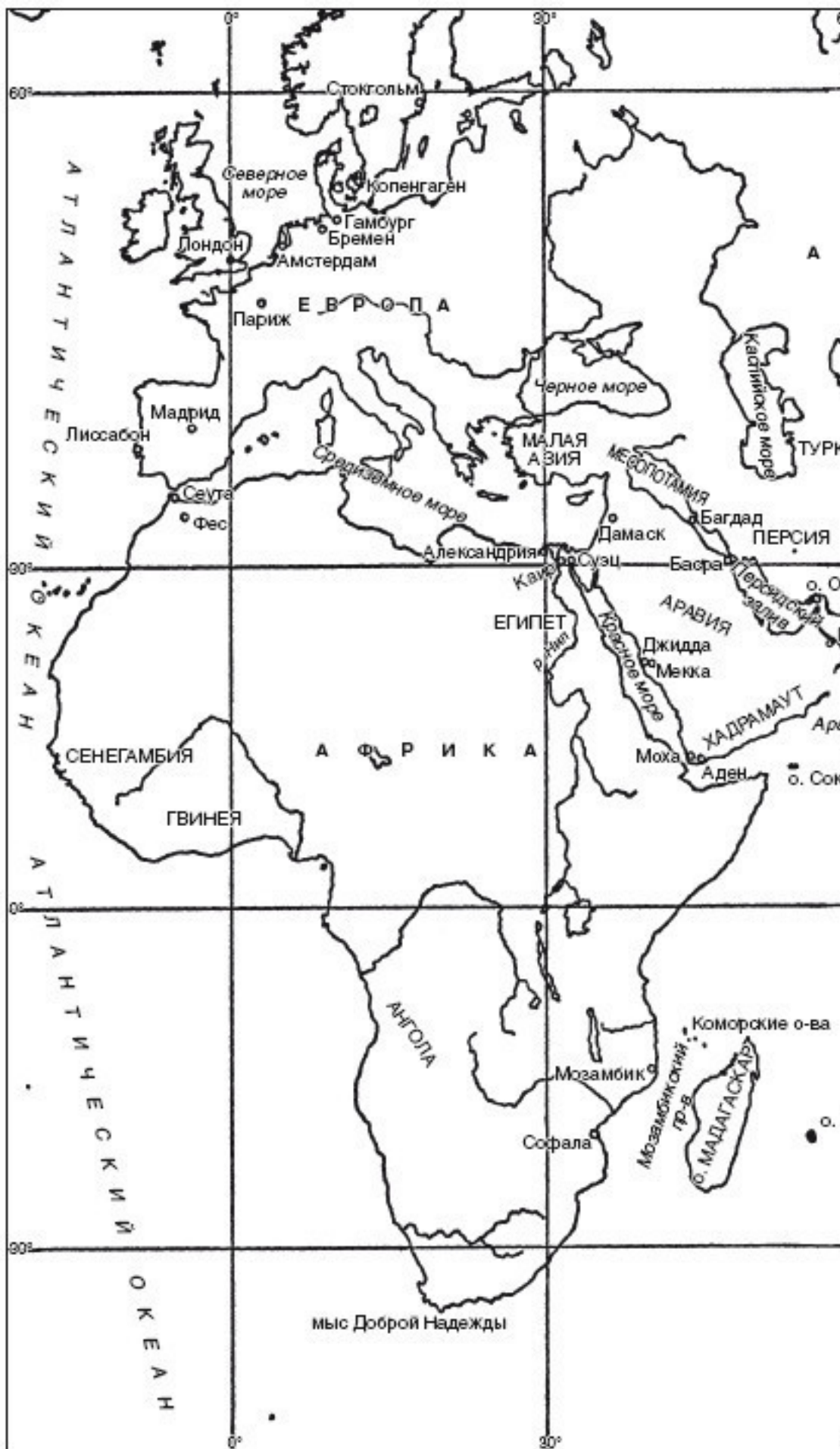
¹⁰ Витт Ян де – голландский государственный деятель, занявший в 1653 г. пост великого пенсионария провинции Голландия.

Они могли внедрить в Генеральные штаты своих личных друзей из числа бюргеров-олигархов и земельной аристократии, но не могли разрушить экономическое могущество верхней прослойки среднего класса, которое делало богатых бюргеров – а не благородных штатгальтеров – последней инстанцией в решении судьбы республики.

Хотя взятие Брилле (Бриля) и ряда других городов морскими гёзами летом 1572 г. ознаменовало начало успешного вооруженного сопротивления Испании, остается спорным вопрос, до какой степени изначальный мятеж Нидерландов может быть описан как приветствуемое массами движение. Имело место довольно широкое и (в некоторых местах) глубоко укоренившееся недовольство Римско-католической церковью среди всех сословий, что показывает факт появления приверженцев лютеранства, анабаптизма, кальвинизма и прочих форм ереси во всех слоях общества. Однако такое недовольство старой религией не всегда и не везде предполагало отмену служения мессы, обета безбрачия священнослужителей и запрет религиозных орденов. Во многих местах воинствующие кальвинисты всегда находились в меньшинстве, как и – если уж на то пошло – воинствующие католики. И бюргеры, и ремесленники обычно предпочитали не религиозную свободу, а политическую, хотя подавляющее большинство ни тех ни других не переваривало учреждение Священной канцелярии инквизиции. Следует также признать, что довольно много аристократов и знати примкнуло к мятежу, что обеспечило его столь необходимым руководством. Успехи морских гёзов в 1572 г. в значительной степени обязаны тому факту, что, хотя все это пестрое сборище воинствующих протестантов – дворян, бюргеров, ремесленников, крестьян и моряков с пиратскими наклонностями – было незванными гостями для представителей высших и средних классов городов Голландии и Зеландии, которые принимали их с великой неохотой, перспектива размещения у них испанских солдат и учреждения инквизиции все же была им еще более отвратительна.

Городские трудящиеся и безработные – количество которых неизбежно возросло в годы политико-религиозных неурядиц и высоких цен – явно мало что теряли, присоединяясь к морским тезам. Голод и безработица особенно широко распространились в 1567–1572 гг., когда на экономическое и социальное положение Нидерландов неблагоприятно повлияли разрыв экономических связей с Англией, проблемы с торговлей на Балтике, эпидемия чумы 1571 г. и высокие цены на зерно в 1571 и 1572 гг. Последней каплей стала угроза обложения налогом на торговлю, прозванным «десятиной Альбы» и созданным по образцу испанской алькабалы (налога на торговые сделки), который Альба начал вводить весной 1572 г., хотя его сборы продвинулись не слишком далеко, когда вспыхнуло восстание. Более того, когда городские советы под давлением воинствующих кальвинистов поддержали курс на восстание, у бедняков и занимавших низкое общественное положение граждан появились дополнительные причины следовать за теми единственными людьми, кто мог дать им работу и средства к существованию. С другой стороны, в городах, заново захваченных испанскими войсками, многие представители всех сословий не сочли особо трудным приспособить свои религиозные убеждения к учениям римской церкви, теперь обновленной и очищенной реформами, проведенными согласно решениям Тридентского собора¹¹. И если бесчинства испанской и итальянской солдатни Альбы вынудили многих из тех, кто предпочел бы соблюдать нейтралитет, встать на сторону мятежников, аналогичные жестокости морских гёзов побудили многих из других колеблющихся вернуться к повиновению церкви и королю. Тридентский собор считается отправной точкой контрреформации.

¹¹ Тридентский собор – XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся по инициативе римского папы Павла III 13 декабря 1545 г. в городе Тридент (ныне Тренто, Северная Италия), в котором заседал (с перерывами) в 1545–1563, 1547–1549 гг. в Болонье. Закрепил основные положения Контрреформации, а также католический канон Священного Писания, установил общий для всей Римско-католической церкви чин мессы и других богослужений, ввел строгую церковную цензуру.

Карта 2.

Сфера деятельности Голландской Ост-Индской компании

Как мы отмечали выше, изначально кальвинизм обрел себе больше последователей в Южных Нидерландах, чем в северных провинциях. На самом деле разделение, которое произошло окончательно, поначалу, казалось, должно было формироваться по оси восток – запад, а не север – юг. В Антверпене существовало сильное кальвинистское сообщество, тогда как Амстердам придерживался католицизма. Восточные провинции, включая современный, исключительно протестантский северо-восток, некоторое время оставались преимущественно католическими. Однако отвоевание герцогом Пармским¹² Фландрии, Брабанта и части северо-востока в 1580 г. не смогло продвинуться дальше прочной естественной линии обороны, состоящей из рек Шельда, Маас, Рейн и Эйссел вместе с болотами Южной Фрисландии. После смерти герцога Пармского в 1592 г. принц Мориц смог завершить завоевание северо-востока, а его преемник, Фредерик Генрих¹³, приобрел некоторую выгоду на юге, включая оплот католицизма, Маастрихт (провинция Лимбург). Тем не менее испанская угроза центральным районам северных провинций не была устранена до отвоевания города Бреда (провинция Северный Брабант) в 1637 г.

Фредерик Генрих, как и Вильгельм Молчаливый, был намерен гарантировать разумную терпимость к открытому вероисповеданию католицизма в районах, выведенных из-под испанского контроля, надеясь таким образом побудить «Послушные провинции» воссоединиться с самопровозглашенными Соединенными провинциями свободных Нидерландов. К сожалению, наиболее фанатичные элементы среди кальвинистов имели достаточное влияние, чтобы не допустить хоть сколь-нибудь значительного претворения в жизнь подобной политики.

Католики, жители Генералитетских земель¹⁴, как были названы завоеванные районы, не имели никаких политических или избирательных прав и не могли принимать серьезного участия ни в экономической, ни в интеллектуальной жизни Голландской республики. Испанские правители Южных Нидерландов, со своей стороны, были еще более решительно настроены искоренить ересь в провинциях, контролируемых церковью и королем; в результате симпатизировавшие протестантству люди эмигрировали на север или на восток, и в провинциях, управлявшихся из Брюсселя, кальвинизм прекратил свое существование. Эти ожесточенные беженцы-кальвинисты с юга значительно усилили влияние своих воинственно настроенных единоверцев на севере, которые были решительно настроены на воссоединение всех 17 провинций на основе непререкаемого главенства кальвинизма как в вере, так и в государстве. Таким образом, Нижние Земли (Нидерланды) оказались разделены не по географическим, языковым или этническим границам, а по чисто искусственной черте, установившейся в результате превратностей боевых действий Восьмидесятилетней войны и параллельного роста взаимной религиозной неприязни.

Когда герцог Пармский захватил в 1585 г. Антверпен, он способствовал капитуляции города, предложив позволить тем кальвинистам, кто был решительно настроен эмигрировать (лишь бы не отказываться от своей религии), двухлетнюю отсрочку для вывоза своих товаров и вывода капитала. Как мы уже видели, за XVI столетие Антверпен превратился в крупнейший торговый перевалочный пункт в Европе. Местные фламандские и валлонские купцы вели

¹² Алессандро (Александр) Фарнезе (1545–1592) – третий герцог Пармы и Пьяченцы, испанский полководец и наместник Нидерландов, который подвел черту под нидерландской революцией на территории нынешней Бельгии. Смертельно ранен в сражении у Руана.

¹³ Фредерик Генрих Оранский – сын Вильгельма I Оранского от четвертого брака. Командующий войсками республики Соединенных провинций, штатгальтер с 1625 по 1647 г.

¹⁴ Генералитетские земли – часть территории Соединенных провинций, управляемая напрямую Генеральными штатами; на этих землях не было провинциальных штатов, и они не были представлены в центральном правительстве.

бухгалтерский учет, проводили банковские операции и имели систему страхования, которые до этого процветали только южнее Альп и Пиренеев. Среди этих богатых торговцев имелось много приверженцев кальвинизма, хоть и не все богачи, эмигрировавшие на север, были протестантами. Их рассеивание по всей Европе за последние две декады XVI в. имело более далекоидущие последствия, чем диаспора иберийских евреев за век до этого или исход гугенотов 100 лет спустя. И до 1585 г. фламандские купцы и без того часто посещали многие торговые порты от Данцига¹⁵ до Ливорно, но в следующие 15 лет их количество и влияние значительно возросли благодаря появлению богатых и предприимчивых беженцев из Южных Нидерландов.

У тех, кто эмигрировал в Голландию и Зеландию – а среди них было множество состоятельных и предприимчивых людей, – имелись родственные и деловые связи по всей Европе, от Балтики до Леванта, поскольку семьи, как правило, не эмигрировали все вместе, а рассеивались по разным регионам. Те, что осели в Италии и на Иберийском полуострове, волею неволей остались в лоне католической церкви, но для них не составляло проблем сотрудничать со своими кузенами-кальвинистами или лютеранами Северных Нидерландов; точно так же иберийские евреи не обрывали связи со своими родственниками, «новыми христианами» – марранами¹⁶, остававшимися в Португалии и Испании. Финансовые и деловые связи, пришедшие с этими эмигрантами в Амстердам, Мидделбург и другие голландские города, послужили огромным стимулом всей их торговой деятельности в целом, а Амстердама в особенности. Разумеется, подавляющее большинство тех тысяч эмигрантов из южных провинций составляли не состоятельные бюргеры, а представители среднего и трудящегося классов, среди которых было много как мелких торговцев, опытных мастеров и искусных ремесленников, так и простых, не обученных какому-либо мастерству работников. Текстильная промышленность в Лейдене, например, получила значительное развитие благодаря притоку нового капитала и рабочей силы с юга.

И хотя много голландских городов извлекли пользу от обретения этих финансовых и людских ресурсов, на Амстердаме это отразилось заметнее всего. Между 1585 и 1622 гг. население города возросло примерно до 75 тысяч человек, а в последний, 1622 г. из общего числа 105 тысяч жителей треть составляли эмигранты из Южных Нидерландов или их потомки в первом поколении. Один из таких недавно прибывших в 1594 г. написал, с простительным в данном случае преувеличением: «Это сам Антверпен, превратившийся в Амстердам». На другой фактор роста финансовых ресурсов Амстердама указала американский историк Вайолет Барбур. Она напоминает нам, что в Голландии – или, если уж на то пошло, во всех остальных Северных Нидерландах – имелось мало земли, которой можно было владеть, а та, что была, продавалась или сдавалась в аренду по крайне высоким ценам, и сделки облагались серьезным налогом. Вследствие этого многие люди с ограниченными средствами, которые в других странах могли бы стремиться купить или арендовать фермы или небольшие земельные участки, вкладывали свои сбережения в покупку доли в кораблях, в рыболовство или краткосрочные торговые рейсы, в мелиорацию земель, а позднее в муниципальные или провинциальные займы. Быстрый рост Амстердама как центра международной торговли отразился в издании – начиная с 1585 г. – еженедельного прейскуранта цен на товары, что в Лондоне начали делать только 80 лет спустя. Можно также отметить, что в 1609 г. в Амстердаме был основан валютный банк, а в 1614 г. кредитный.

Отчасти благодаря торговой сети фламандских и валлонских купцов в портах Иберии и Средиземноморья за последнюю декаду XVI в. голландцы смогли развернуть свое и без того процветавшее фрахтовое дело до беспрецедентных размеров. Пять следовавших один за

¹⁵ В описываемое время (и до 1739 г.) этот основанный славянами город (упоминается в X в.) назывался Гданьском. Это историческое название было возвращено после освобождения города Красной армией в 1945 г.

¹⁶ Марраны (мараны, от *исп.* маггано – свинья, нахал) – так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших в конце XIV–XV в. христианство, и их потомков.

другим неурожайных лет в Южной Европе (1586–1590) предоставили им возможность захватить и удерживать новые рынки за пределами Гибралтарского пролива. И хотя до 1585 г. их корабли были редкими гостями в портах Средиземноморья и Леванта, 20 лет спустя торговля здесь уступала в значимости лишь торговле на Балтике, с которой, кстати, купцы Антверпена были тесно связаны еще до падения их города. Языковые, родственные и деловые связи оказались прочнее – по крайней мере, на какое-то время – религиозных и политических. Например, в Ливорно местные фламандские торговцы одновременно представляли режим и Гааги, и Брюсселя. Корнелис Хата, первый дипломатический представитель Голландии в Блистательной Порте (султанской Турции), в 1616 г. утверждал, что все агенты голландских компаний в Леванте по происхождению являлись выходцами из Брабанта и подданными эрцгерцогов, правивших «послушными провинциями» от имени испанской короны. Другим фактором ускоренного расширения голландской морской торговли в 1500-х гг. стала разработка и постройка более эффективных торговых судов, *fluit*. Эти «флейты», или «летучие корабли», как прозвали их англичане, управлялись относительно небольшими командами, перевозили значительный груз, были вооружены небольшим количеством орудий – а то и вовсе обходились без них – и могли быть построены задешево и в больших количествах. (Некоторым образом их можно считать прообразами «Либерти» – транспортных судов времен Второй мировой войны для обеспечения массовых военных перевозок.)

В этот период в Амстердаме также заметное развитие получило морское страхование. В 1598 г. здесь была учреждена страховая палата, которая вела реестр полисов и разрешала всяческие спорные случаи, касающиеся их покрытия. В 1628 г. четыре состоятельных амстердамских торговца разработали претенциозную программу обязательного страхования всех голландских кораблей, плавающих в опасных водах. План этот отвергли – как и последующие предложения претворить его в жизнь в той или иной форме, – однако Амстердам продолжал управлять огромными и постоянно растущими объемами страхования, включая заграничные сделки. К последней четверти XVII в. в Амстердаме стали практиковать вторичное страхование (перестрахование), и город сохранял первенство в морском страховании вплоть до XVIII в.

Упадок Антверпена как международного торгового перевалочного пункта и феноменальный взлет Амстердама; приток богатых предпринимателей и профессиональных рабочих в северные провинции из южных; взрывной рост промышленного производства и потребность в новых рынках сбыта; разорительные эмбарго, которые испанская корона (а с 1580 г. и Португалия) наложила на торговый флот Северных Нидерландов в иберийских гаванях в 1585, 1595 и 1598 гг.; помощь и советы, на получение которых от торговцев-фламандцев, валлонов и марранов, купцы Голландии и Зеландии часто могли рассчитывать, будучи за границей, – все эти факторы вскоре привели к распространению голландской морской торговли на регионы более отдаленные, чем Левант и Средиземноморье. Например, прямая торговля с Бразилией, весьма незначительная до 1585 г., впоследствии сильно возросла – поначалу в кооперации с немцами из ганзейских портов, а затем в основном в сотрудничестве с португальскими «тайными евреями» – новыми христианами. Голландский шкипер, направлявшийся в 1591 г. в Бразилию, попал в руки португальцев с острова Сан-Томе, где собрал много ценной информации об их торговле с Золотым Берегом. По возвращении в Нидерланды он предпринял успешное плавание, вернувшись в 1594 г. с солидным грузом золота и слоновой кости. Энергичность и настойчивость, с которыми голландцы эксплуатировали эти новые рынки, оказалась таковой, что к 1621 г. они захватили от половины до двух третей торговых перевозок между Европой и Бразилией, тогда как практически все золотые монеты Соединенных провинций чеканились из золота, привезенного из Гвинеи. Следуя по стопам англичан, голландцы также проторили в тот период времени арктический торговый путь в Россию; но наиболее впечатляющий всплеск их национальной энергии был направлен на торговлю пряностями в Восточных Индиях.

Одной из самых специфических особенностей Восьмидесятилетней войны был способ, благодаря которому обе стороны продолжали широко использовать ресурсы, предоставленные торговлей с противником. Незаконная торговля и контрабанда в той или иной степени характеризуют торговлю во время всех войн, однако в 1572–1648 гг. они осуществлялись обеими сторонами в беспрецедентных масштабах. Представители власти Голландской республики, многие из которых были судовладельцами и торговцами, прочно связанными торговлей с Иберийским полуостровом и с территориями под управлением испанской и португальской корон, позволяли (за исключением коротких интервалов времени) вести такую торговлю за выплату особых портовых сборов заинтересованными сторонами. Поступления этих, как их называли, «денег за конвой и лицензию» составляли основной источник дохода пяти провинциальных адмиралтейств, или советов военно-морского флота (в Роттердаме, Зеландии, Амстердаме, Фрисландии и Северной Голландии), которые содержали в исправности боевые корабли, большая часть которых были арендованными или переделанными торговыми судами. Со своей стороны, испанцы и португальцы обнаружили, что не могут обойтись без сырья и готовых материалов, особенно без зерна и строевого леса, который привозили голландцы с Балтики и из Северной Европы. Разорительные эмбарго, которые иберийские правители периодически накладывали на голландский торговый флот, на практике оказались акцией вроде «назло лицу отрезать себе нос» и не могли эффективно выполняться сколь-нибудь длительное время.

Поскольку голландцы в начале 1590-х гг. стремительно расширяли свою торговлю в Средиземноморье, Леванте и Южной Атлантике, то вряд ли удивительно, что примерно в то же время они старались распространить ее и на Индийский океан. Голландцы, находившиеся на службе у португальцев, самый известный из которых Ян Гюйген ван Линсхотен¹⁷, вернулись домой с достаточными сведениями, указывавшими на то, что португальцы, провозгласившие себя повелителями «завоеваний, мореходства и торговли в Эфиопии, Аравии и Персии», далеко не так сильны, как предполагал этот

напыщенный титул, принятый королем Мануэлом I в 1501 г. Память об иберийском эмбарго 1585 г. и предчувствие новых, которые будут наложены в 1595–1596 гг., вполне могли заставить голландцев осознать, что использование Лиссабона как рынка пряностей становилось все более ненадежным. Как бы то ни было, в марте 1594 г. девять торговцев из Северных Нидерландов нашли достаточно побудительных мотивов и средств, чтобы учредить в Амстердаме Компанию дальних земель с целью отправить две флотилии за пряностями в Индонезию.

Первая флотилия не имела четкого руководства, ее плавание оказалось отвратительно организовано, и в августе 1597 г. в Тексел вернулись только три корабля и 89 человек из 249, покинувших якорную стоянку этого города два года назад. Однако скромный груз перца, который они привезли из индонезийского Бантена, с лихвой покрыл расходы на экспедицию. Поскольку первое плавание показало, что даже плохо организованная флотилия смогла достичь Восточных Индий, не менее 22 кораблей, оснащенных пятью разными – и сильно соперничающими – торговыми компаниями, отправились в 1598 г. из голландских портов в Индонезию. Флотилия под командованием мореплавателя и хозяина гостиницы Оливера ван Ноорта из Роттердама взяла курс на Южную Америку и Тихий океан, чтобы совершить первое голландское кругосветное плавание; но наиболее обнадеживающих результатов достигла вторая флотилия Компании дальних земель из Амстердама под командованием Якоба ван Нека. Четыре его корабля вернулись в июле 1599 г., после пятнадцатимесячного отсутствия, с бесценным грузом пряностей. «С тех пор как Голландия стала Голландией, – отметил неизвест-

¹⁷ Линсхотен Ян Гюйген ван (1563–1611) – знаменитый нидерландский купец, путешественник и историк. Именно ван Линсхотену приписывают копирование сверхсекретных португальских морских карт, что позволило Британской и Голландской Ост-Индским компаниям лишить Португалию монополии.

ный участник экспедиции, – не выдвигали столь богато груженных судов». Старшим офицерам и торговцам был оказан торжественный прием, а колокола Амстердама устроили радостные перезвоны. У инвесторов имелись все причины быть довольными возвращением своих капиталов на 100 с лишним процентов – даже еще до того, как оставшиеся четыре корабля прибыли с грузом, поднявшим общую прибыль до 400 процентов. Ван Нек подчеркивал, что такой прибыли добились без всякого применения силы или обмана, как намекали в Амстердаме завистливые португальские евреи, но исключительно путем честной и свободной торговли с индонезийскими купцами – строго в соответствии с указаниями совета директоров «не отбирать ни у кого имущества, но честно торговать со всеми иностранцами».

Теперь компании для торговли с Восточными Индиями стали появляться как грибы после дождя. Примечательно, что ни одна из них не достигла завидного успеха первого плавания ван Нека; а из вышеупомянутых 22 кораблей, отплывших из Нидерландов на Восток в 1598 г., вернулось только 14. Тем не менее привлекательность торговли пряностями оставалась столь высокой, что в 1601 г. в Восточные Индия отплыло 14 флотилий, насчитывающих в общей сложности 65 кораблей. Совершенно очевидно, что все эти первые компании стояли на пути друг у друга и что их взаимное соперничество вело к повышению закупочных цен в Азии и грозило снижением цен при продаже в Европе. Эти компании были организованы на муниципальной и региональной основе, и соперничество между компаниями из Голландии и Зеландии оказалось особо острым. Уже в начале января 1598 г. Генеральные штаты внесли предложение, чтобы отдельные компании объединялись или полюбовно сотрудничали вместо того, чтобы увязать в смертельной конкуренции. Тогда такое предписание возымело крайне незначительный эффект, однако длительные и непростые переговоры под умелым руководством ведущего голландского государственного деятеля, Яна ван Олденбарневелта (Иоганна Олденбарневелде), и благодаря давлению, оказанному принцем Морицем в критические моменты, в конце концов привели к слиянию соперничающих компаний в единое монополистическое объединение (20 марта 1620 г.). Переговоры затянулись не только из-за природной зависти Зеландии к более прочному экономическому положению Голландии, но и благодаря застарелой неприязни голландских торговцев к чему угодно монопольному по своей природе в коммерции. Кроме того, некоторые из ведущих глав компаний, таких как южане Исаак ле Мэр и Балтазар де Мушeron, обладали темпераментом ничуть не меньшим, чем оперные звезды XX в. Таким образом, потребовались все терпение и тактичность Олденбарневелта и мощное влияние принца Морица, чтобы добиться формирования Объединенной Нидерландской фрахтовой Восточно-Индийской компании (VOC) с капиталом около 6,5 миллиона флоринов. Новое объединение подразделялось на шесть региональных правлений, или *kamers* – палат, которые обосновались в прежних штаб-квартирах компаний соответственно в Амстердаме, Мидделбурге, Делфте, Роттердаме, Хорне и Энххёйзене.

Согласно уставу, принятому Генеральными штатами для VOC в 1602 г., компании предоставлялось – на первоначальный период в 21 год – монопольное право торговли и судоходства восточнее мыса Доброй Надежды и западнее Магелланова пролива. Правление, или совет семнадцати директоров – *Heeren XVII* (буквально – «семнадцать господ»), был наделен правом заключать договоры о мире и сотрудничестве, вести оборонительные войны и строить в этом регионе «форты и крепости». Совет также мог нанимать гражданский, морской и военный персонал, который должен был принести клятву верности компании и Генеральным штатам. Таким образом, VOC практически являлась государством в государстве, однако ее основатели предусматривали ведение войны лишь в виде оборонительных действий против португальцев, которые заявили о своей монополии на европейскую торговлю в восточных морях посредством нескольких папских булл и бреве¹⁸, изданных в XV и XVI вв. Тем не менее полномочий на веде-

¹⁸ Папская булла – основной средневековый папский документ; бреве – письменное послание папы римского, посвященное

ние военных действий оказалось вполне достаточно, чтобы отпугнуть ряд ведущих инвесторов из компаний-первопроходцев, которые предпочли продать свои доли, вместо того чтобы перевести их в VOC, «поскольку они в качестве торговцев сами организовывали такие компании с единственной целью – честно заниматься мирной торговлей и не позволять себе каких-либо агрессивных или враждебных действий». Такие критики вполне справедливо предвидели, что VOC будет вынуждена использовать шпагу столь же часто, что и перо.

Организация Вест-Индской компании (WIC), устав которой Генеральные штаты утвердили 3 июня 1621 г., во многом копировала структуру VOC, хотя ее агрессивная роль в войне против Иберийской атлантической империи подчеркивалась с самого начала. WIC, которой предоставили монопольное право на все голландское судоходство и торговлю с Америкой и Западной Африкой, точно так же наделялась правом объявлять войну и заключать мир с местными властителями, содержать военно-морские и сухопутные силы и исполнять судебные и административные функции в тех регионах. WIC состояла из пяти региональных советов – в Амстердаме, Мидделбурге (Зеландия), Роттердаме, в северной четверти Нидерландов и в Гронингене с Фрисландией. Аналогом *Heeren XVII* в WIC стало центральное правление – *Heeren XIX*. WIC потребовалось больше времени для сбора оборотного капитала, чем VOC, – два года против двух месяцев, – однако внесенная сумма оказалась намного значительнее, более 7 миллионов флоринов. Создание Вест-Индской компании предлагалось значительно раньше в том же XVII в., но было отложено из-за заключения двенадцатилетнего перемирия между Испанией и Соединенными провинциями. Перемирие это стало результатом усилий Олденбарневелта и поддержавших его олигархов в правительстве. И заключено оно было вопреки желанию принца Морица, группы влиятельных торговцев Амстердама и кальвинистских экстремистов, известных как контрремонстранты¹⁹. В колониальном мире перемирие соблюдалось плохо, и официальное возобновление войны в 1621 г. – после суда над Олденбарневелтом и его казни по сфабрикованному обвинению в государственной измене – предоставило и VOC, и WIC значительно большую свободу для агрессивных действий. В отличие от ортодоксальных кальвинистов арминиане (основатель – богослов Я. Арминий) в учении о предопределении оставляли место свободе воли, выступали за политику веротерпимости. В 1610 г. они подали Генеральным штатам так называемую ремонстрацию (от *позднелат.* *remonstro* – заявляю, протестую), излагавшую основные принципы арминианства. Противники арминиан – гомаристы (по имени богослова Ф. Гомара) подали штатам в 1611 г. контрремонстрацию, в которой отстаивались догматы ортодоксального кальвинизма.

И хотя Испания являлась *erf-vijand* – заклятым врагом на территории соседней Фландрии, где война все больше увязала в малозначительных осадах и безрезультатном маневрировании, голландское наступление на иберийский колониальный мир было направлено на португальские, а не испанские владения. С того времени, как люди VOC, захватив в 1605 г. остров Амбон в Индонезии, перешли к наступательным действиям, они сосредоточили свое внимание на португальских крепостях и поселениях, будь то на Молуккских островах, на полуострове Малакка, на Цейлоне или в Индии. Когда они предприняли попытку напасть на испанцев на Филиппинах, им практически постоянно не везло. Упорные и плодотворные голландские блокады Малакки (1635–1640) и Гоа (1638–1644) резко контрастировали с позорными фиаско их экспедиций на Филиппины в 1610, 1617 и 1647–1648 гг. Голландцам даже не удалось выбить испанцев из их ненадежно защищенных крепостей на островах Тернате и Тидоре, где последние оставались еще более 10 лет после подписания Мюнстерского договора и откуда

второстепенным проблемам церковной и мирской жизни и написанное менее торжественным стилем.

¹⁹ Ремонстранты и контрремонстранты, или арминиане и гомаристы, – религиозные течения внутри нидерландской кальвинистской церкви, получившие в начале XVII в. значение религиозно-политических группировок.

они попросту ушли, когда в 1661–1662 гг. Маниле угрожало вторжение Коксинги²⁰, китайского завоевателя Голландской Формозы (Тайваня).

На другом краю света WIC, хоть и основанная в основном с прицелом на Испанскую Америку и серебро Мексики и Перу, на самом деле сконцентрировалась на сахаре из Португальской Бразилии и золоте, слоновой кости и рабах Португальской Западной Африки. Впечатляющий захват Питом Хайном²¹ мексиканского «серебряного флота» в кубинской гавани Матансас (в 1628 г.), как правило, заслоняет тот факт, что его современники и преемники на службе WIC добились сравнительно малозначительных успехов в войне с испанцами. Их слава, их победы и добыча были приобретены в основном за счет португальцев в Южной Атлантике. Иоханнес де Лаэт, директор и летописец деяний WIC того времени, заканчивает в 1644 г. свои *Iaerlyclt Verhael* – Анналы на триумфальной ноте, подробно перечисляя корабли и добычу, захваченные компанией между 1623 и 1636 гг. силой оружия «у короля Испании». Внимательное прочтение этого списка открывает, что подавляющий ущерб от этих потерь понесли владения и суда португальской короны – за исключением испанского «серебряного флота» в 1628 г. В 1636–1648 гг. нападения WIC на Испанскую Америку были еще менее значительными, за исключением экспедиции Брауэра в Чили в 1642 г., да и та оказалась безрезультатной. В свое время голландцы отобрали у Португалии половину Бразилии и Анголу, не говоря уже о Золотом Береге и Кабо-Верде, однако единственным стоящим их завоеванием в Карибском бассейне стал захват Кюрасао в 1634 г. По сравнению с огромными усилиями, приложенными ради продвижения в Южной Атлантике, попытки Вест-Индской компании обрести «Новые Нидерланды» на острове Манхэттен и на берегах реки Гудзон увенчались весьма скромными результатами.

Не вызывает сомнения, что восстание португальцев Пернамбуку, штата на востоке Бразилии, в 1645 г., которое получало более или менее тайную помощь с родины, за пять лет до этого освободившейся от власти Испании, заставило голландцев укрыться за стенами Ресифи и нескольких других городов вдоль северо-восточного побережья Бразилии. Несомненно и то, что через несколько месяцев после провозглашения Мюнстерского договора Португало-Бразильская экспедиция – частично снабженная амуницией и корабельными припасами из Амстердама – вернула Луанду и изгнала голландцев из Анголы в тот самый момент, когда те, вместе со своими негритянскими союзниками, были на грани уничтожения последних остатков португальцев в данной местности. Тем не менее положение голландцев в Бразилии не казалось безнадежно утерянным, и по Мюнстерскому договору король Филипп IV недвусмысленно признал право Голландии захватывать и удерживать все португальские колониальные территории, на которые заявляли свои права обе великие индийские компании.

Во многих отношениях Мюнстерский договор знаменует собой высшую точку золотого века Соединенных провинций. К 1648 г. голландцы, бесспорно, являлись величайшей в мире торговой нацией, со своими торговыми аванпостами и укрепленными факториями, разбросанными от Архангельска в России до Ресифи в Бразилии и от Нового Амстердама²² до Нагасаки в Японии. Если некоторые места удерживались с трудом, то другие приносили обнадеживающие прибыли. Одни лишь описания голландских достижений в европейских водах представляют собой увлекательнейшее чтение. «Благодаря невероятным предприимчивости и деловитости, – пишет К. Уилсон, – им удалось захватить около трех четвертей перевозок зерна на Балтике, от половины до трех четвертей строевого леса и где-то между третью и половиной шведского металла. Три четверти соли из Франции и Португалии, отправлявшейся на Балтику, перево-

²⁰ Коксинга – под этим именем в европейских источниках известен Чжэн Чэнгун – самый знаменитый из китайских пиратов.

²¹ Питерсон (Питерзон) Пит Хайн, или Пит Хайн-старший, – голландский адмирал Вест-Индской компании и Соединенных провинций, герой Восьмидесятилетней войны в Нидерландах, прославленный капер.

²² Новый Амстердам, *нидерл.* Nieuw Amsterdam – первоначальное название Нью-Йорка в 1626–1664 гг.

зилось в голландских трюмах. Более половины тканей, вывозимых в Балтийский регион, были произведены или обработаны в Голландии».

Такие беспрецедентные достижения обязаны в основном динамичной энергии и предприимчивости, рожденным в морских гаванях Голландии и Зеландии, что позволило, благодаря ресурсам, извлеченным из судоходства и заморской торговли, перенести финансовые тяготы войны против Испании и развить колониальную экспансию. Таким образом, вполне логично, что ведущие торговцы и судовладельцы городов этих провинций должны были завладеть руководством новой республикой и использовать свое влияние в городских советах и провинциальных штатах для продвижения собственных интересов. Как мы уже видели, когда возник конфликт интересов отдельных провинций, победу одерживали Голландия и Амстердам – если только они находились в согласии. Подтверждением этому является Мюнстерский договор, имевший большое число могущественных противников. Среди них были приверженцы Оранских, настроенные на сохранение союза с Францией и упрочение династических интересов штатгальтеров по завоеванию Южных Нидерландов и поддержке Стюартов²³; провинция Зеландия, недовольная неадекватной помощью государства WIC в ее проигрышной войне с португальцами в Бразилии; провинция Утрехт и город Лейден по целому набору религиозных и политических мотивов. И все же правители остальных городов Голландии, и прежде всего Амстердама, смогли протолкнуть договор вопреки оппозиции такого множества своих соотечественников, причем не уступая королю Испании ни в одном из его самых настойчивых требований, таких как открытие для судоходства устья реки Шельды и официальная терпимость к католицизму в Соединенных провинциях. Голландская неуступчивость в перекрытии Шельды проистекала не только из боязни Амстердама, что в результате возобновления судоходства по ней Антверпен может во многом вернуть себе значение торгового перевалочного пункта, но из опасения некоторых портов юга Голландии и Зеландии (Роттердама, Мидделбурга, Флиссингена), что их собственная транзитная торговля точно так же пойдет на убыль.

Мюнстерский договор показал, что движение, начавшееся 80 лет назад со взрыва народного гнева, закончилось формированием свободно объединенной федерации – республики под управлением группы купцов-олигархов. Перед тем как более подробно обсуждать этих бюргеров, стоит задаться вопросом, насколько сильно эволюционировала нация под их руководством. Если принять критерий Ренана о понимании национальной принадлежности: «... совершать вместе великие поступки, желать их и в будущем...», то победители 1648 г. будут соответствовать обоим этим показателям. Они могли с гордостью припомнить такие боевые подвиги, как осада и освобождение Лейдена, победные компании принцев Морица и Фредерика Генриха, захват «серебряного флота» Питом Хайном, разгром Испанской армады близ Гибралтара (1607) и еще один разгром у Даунса (1639). В этот последний год не имевшую себе равных голландскую торговую экспансию «в далекие и диковинные земли, так далеко, как только светит солнце» нидерландский поэт и драматург Йост ван ден Вондел восславил в своей оде, отразившей чувства не только самого поэта и Heeren XVII – семнадцати директоров VOC, но и множества голландцев: «Куда ни завела бы нас за прибылью погоня, в любое море иль к любому побережью, мы рыщем в гаванях всего земного шара – к выгоде любви». Если «великие поступки» Ренана включают в себя образованность, литературу и изобразительное искусство, то, упоминая о достижениях молодой республики, достаточно вспомнить имена Гуго Гроция, Христиана Гюйгенса, Питера Хофта, Йоста Вондела, Франса Хальса (Гальса) и Рембрандта. Что же касается будущего, то голландцы могли смотреть – и с уверенностью смотрели – на

²³ Вильгельм III Оранский был единственным сыном штатгальтера Вильгельма II Оранского и Марии Генриетты Стюарт. С 28 июня 1672 г. штатгальтер Нидерландов, с 13 февраля 1689 г. под именем Вильгельм (Уильям) III, король Англии, и с 11 апреля 1689 г. под именем Вильгельм II, король Шотландии.

свою экспансию в Восточные Индии; и хотя их положение в Бразилии было явно ненадежным, возможность создания собственной империи в Южной Атлантике все еще существовала.

По этим и другим причинам многие из жителей Соединенных провинций Свободных Нидерландов с гордостью осознавали, что они являются действительно свободной и самостоятельной нацией. Но имелось и много других, кого непрестанно терзали сомнения, или те, у кого не было особых поводов радоваться Мюнстерскому мирному договору. Воинствующие кальвинисты требовали – и часто получали – признания своих заслуг в формировании нации с благословения Божия и при Его активной поддержке, однако они рассматривали своих все еще многочисленных соотечественников-католиков в качестве граждан второго сорта и потенциальных предателей. Они косо смотрели даже на многих инакомыслящих протестантов, как на более слабых и, следовательно, нижестоящих собратьев. Такое презрение самозванных «избранных» к столь многим своим соотечественникам не могло не вызвать широкого недовольства среди последних. Отсутствие короля или иного полновластного правителя вызывало смешанное с сожалением замешательство среди некоторых слоев населения, хотя не обязательно по одним и тем же причинам. Тот факт, что мятеж был изначально направлен против их законного принца, не так легко изгладился в памяти – как на родине, так и за границей. Даже такой непреклонный республиканец, как Ян де Витт, позднее выражал свою обеспокоенность по этому поводу. В некоторых отношениях соперничество между провинциями усугублялось и самими успехами голландской заморской торговли, которая только усиливала превосходство провинции Голландия. Брабантцы, фламандцы и валлоны, эмигрировавшие из Южных Нидерландов в первые десятилетия Восьмидесятилетней войны, к 1648 г. по большей части ассимилировались, хотя зависть к наиболее удачливым из них и их потомкам все еще тлела в Амстердаме. Однако в Голландской республике имелось еще много иностранцев и лишь наполовину ассимилировавшихся эмигрантов, которые могли стать источником слабости, особенно в военное время, и с армией, состоявшей в основном из иностранных наемников.

И наконец, как отнеслись более старые европейские нации к выскочке – буржуазной республике, впервые добившейся общего признания в 1648 г.? Критическая оценка коронованных особ и торговых конкурентов должна всегда приниматься с некоторой долей скептицизма, и неудивительно, что Яков I весьма неблагоприятно отзывался о голландцах в 1607 г.: «Пусть они оставят это тщеславное стремление называться свободным государством». Куда более важно то, что через 100 лет после заключения Мюнстерского договора и после того, как Великобритания и Соединенные провинции поочередно становились то врагами, то союзниками, английский посланник в Мадриде снисходительно написал о своем недавно прибывшем голландском коллеге: «Он весьма молод, но благороден и дружелюбен, и в нем столько же – если не больше – от джентльмена, сколько я когда-либо видел в представителях его нации – если она заслуживает права таковой называться».

Глава 2

Бюргеры-олигархи и купцы-авантюристы

Городские патриции, ликовавшие по поводу заключения Мюнстерского договора, во многом отличались от своих дедов и отцов, которые поддерживали борьбу против Испании во времена принца Морица и Вильгельма Молчаливого. Будучи изначально сословием, в первую очередь озабоченным торговлей, а уж во вторую местным управлением и внутренними делами, городской патрициат в 1648 г. сильно приблизился к тому, чтобы стать закрытым сообществом олигархов, приоритеты которого оказались расставленными с точностью до наоборот. В 1615 г. бургомистр Амстердама утверждал, что городские правители были либо действующими торговцами, либо теми, кто недавно отошел от дел. 37 лет спустя мы видим амстердамских купцов, жалующихся, что их правители больше не являются ни торговцами, ни участниками заморской торговли, «а получают доход от домов, земель и ростовщичества». Другими словами, купцы превратились в рантье. Эта конкретная жалоба является явным преувеличением – достаточно вспомнить хотя бы влиятельных братьев Биккер, торговцев и правителей Амстердама, инспирировавших оборону города от принца Вильгельма II в 1650 г. и чьи коммерческие связи охватывали большую часть земного шара. Более того, некоторые правители городов всегда жили в основном на доходы от недвижимости и только часть своего времени посвящали торговле и коммерции. Тем не менее сетования 1652 г. отражают тот факт, что многие члены правящего сословия переключились с активного участия в торговле на проживание за счет доходов от земли, инвестиций и ренты – вдобавок к своему более скромному государственному жалованью. В течение XVII в. такая тенденция становилась все более очевидной, и наследники купцов-олигархов 1630-х гг. превратились к 1690-м в бюргеров-олигархов. Однако следует помнить, что к 1650 г. быть членом городского совета Амстердама означало для тех, кто занимал эту должность, полную занятость. Купцы, заседавшие в городском совете, вряд ли могли уделять много непосредственного внимания своим собственным делам. Разделения исполнения служебных обязанностей и прямого участия в торговых операциях было не избежать. Однако, даже если правители становились рантье и в целом или по большей части чиновничьим сословием, они по-прежнему оставались тесно связаны – через инвестиции и семейные узы – с состоятельными городскими банкирами и, таким образом, были прекрасно осведомлены, что благосостояние Семи провинций зависит в основном от заморской торговли. Родственные браки между семьями правителей и богатых торговцев, ведших самостоятельный образ жизни, с течением времени становились все более распространенными, однако этот процесс шел не так быстро. Торговым семьям приходилось жить на широкую ногу многие годы, возможно одно-два поколения, до тех пор один из их членов смог посредством вступления в брак попасть в городской патрициат и таким образом получить доступ сначала к нижним, а с течением времени и высшим постам в городском правлении.

Как указывалось в предыдущей главе, различия между отдельными провинциями были в некоторых случаях столь значительны, что обобщения относительно социальной структуры Голландской республики просто не могут не вводить в заблуждение. Но поскольку провинция Голландия, безусловно, являлась наиболее значительной в Семи провинциях и поскольку данная работа посвящена в основном Голландской республике, как морской империи, мы продолжим игнорировать фермеров-джентльменов Фрисландии, сквайров Гелдерланда и фермеров-арендаторов Оверэйссела, дабы сконцентрировать свое внимание на правителях, торговцах и моряках Голландии и Зеландии.

Переход от торговой олигархии к олигархии рантье, который занял в провинции Голландия большую часть XVII столетия, иллюстрируется тремя поколениями Яна де Витта – «истин-

ного голландца», как описал его Уильям Темпл, и одного из величайших нидерландцев всех времен. Его семья была представлена в городском совете Дордрехта с конца

XV в., и они достигли еще более высокого положения после 1572 г., когда примкнули к Вильгельму I и выбрали кальвинизм. Родившийся в 1545 г., Корнелис де Витт унаследовал от своего отца торговлю строевым лесом, которой он продолжал управлять лично, хотя посвящал ей не все свое время. В 1575–1620 гг. он неоднократно становился олдерменом и бургомистром Дордрехта, представителем провинции Голландия в адмиралтействе Зеландии в 1596–1599 гг. и стал крупнейшим вкладчиком в зеландском отделении VOC в 1602 г. Три его сына, Андрис, Франс и Якоб, в молодости изучали юриспруденцию и ездили за границу, чтобы подготовиться к последующим государственным и муниципальным должностям, – практика, ставшая общим правилом для сыновей правителей. Хотя Якоб продолжал в течение нескольких лет вести дело своего отца, он уже побывал казначеем Дордрехтского синода в 1618 г., а затем, после кончины отца в 1622 г., занял его место в городском совете. С тех пор он все более погружался в свои служебные обязанности и где-то между 1632 и 1651 гг. совсем отошел от семейного дела. Он неоднократно служил олдерменом и бургомистром, представлял Дордрехт в Голландских и Генеральных штатах, состоял членом многих правительственных комитетов, в 1644 г. стал дипломатическим представителем в Швеции, а в 1650 г. известным противником Вильгельма II.

Якоб де Витт, хоть и подвергавшийся насмешкам своих политических оппонентов за происхождение из семьи выскочек, определенно чувствовал себя вполне оперившимся членом правящего сословия, и ему приписывают замечание, что «пока бюргер мал, ему и следует оставаться таким». Также он был типичным представителем набожного правящего сословия в том, что, оставаясь усердным прихожанином церкви и прилежным читателем Библии, руководившим домашними богослужениями для своей челяди, он решительно выступал против вмешательства церкви в любые политические дела. Его самый знаменитый сын Ян де Витт, хоть и не такой нарочито набожный, следовал принципам своего отца и всю жизнь являлся защитником власти и привилегий правящего сословия. «Некомпетентным и посредственным людям» нечего делать в правительстве и администрации, «которые должны быть оставлены лишь компетентным людям», категорически заявлял он. Ян де Витт вместе со своим братом Корнелисом получил прекрасное классическое образование в знаменитой школе Дордрехта и читал юриспруденцию в Университете Лейдена, хотя ученую степень получил в гугенотском Университете Анже. Не пренебрегал он и физическими упражнениями, что помогало ему, сильному от природы человеку, выдерживать утомительные часы на службе и бумажную работу, с которой ему пришлось справляться несколько последних лет. Он замечательно знал французский и приобрел некоторые знания в английском, немецком и итальянском языках. Также он был исключительно одаренным в математике человеком и написал трактат о пожизненной ренте (в 1671 г.), что позволяет считать его основателем науки страхования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.